

Среди густого аромата цветущего османтуса Цзян Чаншэн держал на весу упитанного рыжего кота, пощипывая его за пухлые щёки.

— И что ты творишь? — поинтересовался он.

Зелёное море лесов колыхалось под порывами ветра, приносящего свежесть листвы и сладкое благоухание. Лавочник стоял на берегу реки Чу, сжимая в руках Эр Пана, в чьих когтях, в свою очередь, застыла облезлая, пребывающая в глубоком обмороке птица. Перья бедолаги местами явно подпалило огнём.

Рыжий кот захлопал своими лучистыми глазищами:

— Как что? Я его спасаю!

«Глупая птица почти зажарилась, так почему бы не окунуть её в водичку, чтобы остудить?» — рассудил он про себя.

— Ты его скорее утопишь, чем вылечишь, — Чаншэн потрепал кота по голове, взбивая шерсть.

Эр Пан ловко извернулся и спрыгнул на землю. Подняв длинный хвост трубой, он обиженно прикрыл лапами макушку и посмотрел на Чаншэна с нескрываемым возмущением:

— Чаншэн, неужели ты ударил меня из-за этого уродца?

Рыжий кот картинно всхлипнул:

— Неужели в твоём сердце я значу меньше, чем эта облезлая птица? Всё, я ухожу из дома!

— Валяй, уходи, — бросил Чаншэн, которому было недосуг возиться с этим пушистым актёром. Он поспешно позвал Цзюэжу и Мо Ци, чтобы те проверили, можно ли ещё откачать Шуси.

Благодаря вливанию духовной силы от Цзюэжу, птица медленно пришла в себя. Едва открыв глаза, Шуси на мгновение замер в замешательстве, но его взгляд тут же стал острым и яростным. Посмотрев на троицу питомцев как на заклятых врагов, он прохрипел даосу-олению:

— Отомсти за меня! Эти три тупых зверя издевались надо мной!

Цзюэжу, прекрасно знавший вспыльчивый нрав птицы, попытался его успокоить:

— Может, ты сам сначала натворил дел?

Рыжий кот, почуяв поддержку, тут же вставил свои пять копеек:

— Точно! Хозяин, у нас была причина. Эта страхолюдина воровала нашу еду, вот мы его и проучили чуток.

— Кого это ты назвал страхолюдиной! — взбеленился Шуси. В этих горах он по праву считался первым красавцем среди пернатых.

Троица зверят обычно вечно цапалась между собой, но стоило появиться общему врагу, как они мгновенно смыкали ряды. Сирийский хомяк Сань Ва кротко пропищал:

— Я просто играл на берегу, когда этот... кхм... многоуважаемый брат внезапно принялся нас оскорблять. Я подумал: мы ведь звери нашего хозяина, а значит, ругая нас, он ругает и его самого? Я не мог позволить такому случиться! Защищая достоинство хозяина, я лишь позволил себе пару колкостей в ответ. Но кто же знал, что почтенный брат-птица решит в отместку испортить еду, которую хозяин приготовил для нас? Вот нам и пришлось принять меры.

Хаски Да Ша переводил взгляд с кота на хомяка и усиленно закивал:

— Всё верно говорят!

Чаншэн лишь молча прикрыл глаза ладонью.

Шуси онемел от такой наглой лжи. Он, пошатываясь, взлетел и уже приготовился разразиться новой бранью, как вдруг заметил в отражении воды какое-то нелепое существо.

«И кто это — такой лысый, облезлый и страшный?»

Душевное потрясение оказалось слишком сильным. Тело Шуси обмякло, и он снова рухнул в обморок.

В этот момент перед глазами Чаншэна вспыхнул свет — вернулся нефритовый талисман с ответом от Ли Хунгуана. Ознакомившись с посланием, лавочник озадаченно нахмурился.

— Что там? — подал голос Мо Ци.

— Да ничего особенного, просто ответ Ли Хунгуана какой-то странный, — ответил Чаншэн.

В письме говорилось: «Мы как раз собираемся на Куньлуньшань. Неужели даос Цзян тоже что-то прослышал об этом деле? Почему бы нам не отправиться вместе?»

«Я ведь спрашивал о местонахождении И Чифэна. Ли Хунгуан что-то недопонял, или И Чифэн действительно сейчас на Куньлуньшань?»

Отправив ответное послание, Чаншэн обернулся к Цзюэжу, который в мягком свете дня выглядел на редкость миролюбиво.

— Хочешь заглянуть в мою закусную? Скоро придут друзья, возможно, они знают то, что тебе нужно.

Солнечные блики, пробиваясь сквозь листву, заплясали на плечах Цзюэжу. Тот на мгновение замер.

— И где она?

— На Горе Небесного Императора.

— Хорошо, — кивнул олень.

Очнувшийся Шуси, услышав это, снова пришёл в ярость:

— Цзюэжу, не смей! Они заманивают тебя, чтобы содрать шкуру и выпустить кишки! Люди — сплошные лжецы! Не смотри, что этот парень выглядит благообразно, он наверняка втирается в доверие, а сам замышляет недоброе!

Цзян Чаншэн проигнорировал вопли птицы — ему даже стало немного жаль этого бедолагу.

Заметив этот взгляд, Шуси взвился:

— Что ещё за жалость в твоих глазах?!

— Тебе показалось, — Чаншэн отвернулся.

Птица хотела было продолжить тираду, но внезапно почувствовала ледяной холод. Мужчина в тёмных одеждах окинул его коротким взглядом, и в его алых глазах, казалось, всколыхнулось безмолвное кровавое море. Инстинкт самосохранения сработал мгновенно — Шуси заткнулся.

Троица питомцев тем временем перешёптывалась в сторонке.

— Может, потом ещё разок его вздуем? — тихо предложил хомяк. — Больно уж он дерзкий.

— Ага, едва не зажарился, а всё туда же. Хорошая трёпка пойдёт ему на пользу, — поддержал Эр Пан.

Небо окрасилось в сочные багряные тона, и закатное пламя, разливаясь по облакам, золотило верхушки деревьев. Цзюэжу, приняв человеческий облик, последовал за Чаншэном.

Когда они добрались до места, Ли Хунгуан и его спутники уже были там. Десятка три практиков, каждый из которых обладал выдающейся аурой, ожидали у входа. Среди них Чаншэн заметил одного интересного человека. Это был статный мужчина с небрежно распущенными, слегка спутанными волосами. В его взгляде сквозила природная мягкость, смешанная с усталостью долгого пути, а на поясе висела тыква-горлянка для вина.

Увидев лавочника, Ли Хунгуан сложил руки в приветствии и представил гостя своим спутникам:

— Шишу Шэнь Сянь, знакомьтесь — это даос Цзян.

Шэнь Сянь в каждом движении проявлял какую-то особую, непринуждённую грацию. Он многозначительно взглянул на Мо Ци и Цзюэжу, после чего с улыбкой произнёс:

— Лавочник Цзян, наслышан о вас.

Цзян Чаншэн ответил вежливым поклоном, принимая это за обычную любезность:

— Прошу всех внутрь. Поговорим за обедом.

Ли Хунгуан и остальные не могли сдержать изумления, заметив, как сильно преобразилась закусочная с их последнего визита. Шэнь Сянь внешне оставался спокоен, но про себя подмечал каждую деталь.

«Этот хозяин и впрямь загадочен. С виду — обычный практик уровня Закалки Ци, но его окружают звери на пике Зарождения Души. А этот мужчина с багровыми глазами и вовсе непостижим... Похоже, лавочник использует не один способ сокрытия силы. Возможно, и лицо его — лишь морок, а перед нами — всего лишь клон».

Снаружи здание было защищено мощными формациями, способными отразить любую атаку. Интерьер сочетал в себе привычный стиль их ордена с какими-то совершенно диковинными элементами. Зал встретил их уютом и простором: столы из ценного сандала, изящные курильницы, источающие успокаивающий аромат.

Чаншэн велел питомцам подать на стол лёгкие закуски. Практики отметили, что посуда выполнена из чистейшего нефрита. Шэнь Сянь, видя в тарелках обычные рисовые лепёшки, почувствовал лёгкое разочарование, но виду не подал. Стоило ему протянуть руку, как Чаншэн с вежливой улыбкой отодвинул блюдо:

— Пятьсот духовных камней с человека. Оплата вперёд.

Шэнь Сянь замер с протянутой рукой.

Видимо, заметив его замешательство, Чаншэн добавил:

— Скоро подадут основные блюда, это лишь аперитив.

Едва камни перекочевали к хозяину, тарелки вернулись на стол. Рисовые лепёшки — самая простая еда: размолоть рис, замесить тесто и приготовить на пару. Шэнь Сянь без особого энтузиазма откусил кусочек и вдруг застыл.

Лепёшки не были кипенно-белыми; чуть сероватые, в лучах солнца они казались полупрозрачными и маняще-нежными. Несмотря на скромный вид, они таяли на языке, обволакивая рот чистым рисовым ароматом, а вместе с ним в тело хлынула мощная, чистая духовная энергия. Даже те, кто не привык потакать своим вкусовым рецепторам, были покорены качеством ингредиентов.

— Ваша слава вполне оправдана, лавочник, — улыбнулся Шэнь Сянь. — А не найдётся ли у вас к этой трапезе доброго вина?

Цзян Чаншэн задумался:

— Пока нет. — «Но в будущем стоит попробовать», — решил он про себя.

Цзюэжу сидел молча, не вмешиваясь в разговор. Глядя на свою порцию, он откусил кусочек, и тёплая волна спокойствия разлилась по его существу. Выждав паузу в беседе, он негромко спросил:

— Вы ведь из Ордена Сокровенного Духа... Скажите, знаком ли вам И Чифэн?

В зале мгновенно воцарилась тишина. Чаншэн решил пояснить:

— Это мой друг. И Чифэн когда-то спас ему жизнь, и теперь он хочет вернуть артефакт, который тот оставил.

Мо Ци бросил на лавочника короткий взгляд. Чаншэн понял его без слов: «Какой он тебе друг? Мы едва знакомы». Но про себя возразил: «Он заплатил золотом, а тот, кто платит золотом — уже почти друг».

Цзюэжу достал кусок лазурного нефрита. Камень мерцал глубоким зелёным светом, в самой глубине которого, казалось, медленно вращались далёкие звёзды.

— Нефрит Источника Лазурного Дракона? — Шэнь Сянь узнал его с первого взгляда. Это была вещь И Чифэна, способная защитить владельца от смертельного удара.

Цзюэжу кивнул. В его глазах отразились отблески заката и тихая грусть. Он вырос на горе Гаотушань, и его единственными друзьями были лесные звери да ворчливый Шуси. Птица вечно твердила ему, что люди — это зло: кто-то хочет зажарить его на обед, а кто-то мечтает добыть его плоть, чтобы вылечиться от падучей.

Многие редкие звери становились объектами охоты из-за своих мистических свойств. Цзюэжу и сам не раз спасался бегством от людских сетей — его хотели поймать, чтобы преподнести в дар императору.

Они встретились знойным летом. Цзюэжу был ранен другим зверем и угодил в руки к практикам-колдунам из племени У. Когда жизнь уже висела на волоске, перед глазами вспыхнул ослепительный свет меча. Человек в светлых одеждах ступил на залитую кровью траву.

— Эй, нехорошо обижать одиноких зверей, — раздался весёлый голос.

Даос с лучистыми глазами протянул руку раненому оленю, лежащему в грязи:

— Ты как, цел?

Свет солнца заливал его безупречную кожу, и Цзюэжу в тот миг понял: не все люди такие, как описывал Шуси.

Вынырнув из воспоминаний, Цзюэжу посмотрел на практиков:

— Он отдал мне этот нефрит, велел вернуть, когда раны заживут. Но потом он, кажется, совсем об этом забыл.

Заметив, как помрачнели лица собеседников, Цзюэжу поспешно добавил:

— Впрочем, это неважно. Я просто хотел поблагодарить его лично и больше не беспокоить.

Практики переглянулись. В зале повисла тяжёлая, гнетущая тишина.

— Мне жаль, — наконец заговорил Шэнь Сянь. Он опустил взгляд, и голос его прозвучал глухо.
— Его больше нет в живых. Он мёртв.

<http://bllate.org/book/17549/1710944>